

© Д.М. НОВИКОВ
dmitrij-novikov@mail.ru.

УДК 1.13

МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК И МЫСЛЯЩИЙ КАМЕНЬ

АННОТАЦИЯ. В статье излагаются результаты исследования особенностей человеческого мышления. Показана недостаточность формальной логики для определения человеческой специфики мышления, зависимость мышления от жизненного опыта. Утверждается необходимость учитывать индивидуальность человека в процессе мышления.

SUMMARY. The article demonstrates the research result of human thinking specifics and shows the insufficiency of formal logic for definition of human thinking specificity. The article determines the dependence of thinking on life experience and states the necessity to consider the individuality of a person in the course of thinking.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Мышление, индивидуальность, сознание.
KEY WORDS. Thinking, individuality, consciousness.

Образ, предложенный Б. Паскалем для уяснения человеческого существа, показывает нам не только величие и достоинство человека, но и его особенность: не мышление ли отличает человека от всего не человеческого?

«Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, — человек все равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознает, что расстается с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознает» [1; 93].

Эти слова можно перечитывать время от времени и потому, что они приятны, ведь речь в них идет не об отвлеченном человеке, а о каждом из нас, и можно их перечитывать потому, что вся мудрость о человеке в них сжата до предела, ведь речь здесь идет о жизни и смерти, о силе и слабости, о времени и пространстве, о сознании и материи, об уме и безумии и о многом другом, о чем нам постоянно напоминает такое искусство чтения, как герменевтика.

Если искать первоисточник этих идей, то в какую глубь можно погрузиться? Вдумаемся в древнегреческую мудрость, высказанную Аристотелем: «Деятельность ума — это жизнь» [2; 310]. Это не просто деятельность ума, это мышление, которое мыслит самое себя, это то, что мы сейчас называем сознанием. Вот его точное, хотя и сложное определение у Аристотеля: «Мышление, каково оно само по себе, обращено на само по себе лучшее, и высшее мышление — на высшее. <...> Ум через сопричастность предмету мысли, соприкасаясь с ним и мысля его, так что ум и предмет его — одно и то же» [2; 310]. Высшим предметом мысли у Аристотеля оказывается сама мысль.

Сознание как мышление о мышлении, сознание как возможность осознания своей собственной жизни, сознание после аргументов Аристотеля и Паскаля представляется достойным предметом философского рассмотрения ввиду своей важности для понимания человека.

Научное суждение обретает свою законченность в формулировке закона.

Первые законы мышления четко были названы уже Аристотелем в «Метафизике»: «противолежащие друг другу высказывания не могут быть вместе истинными» [2; 141]; «не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать» [2; 141]. Краткую формулировку закона тождества у Аристотеля найти сложнее, но формулировка тождественного в метафизике («тождественным называется и то, материя чего одна по виду и числу, и то, сущность чего одна» [2; 158]) и указание на важность определения тождественного и различного для познания истины («трудно разобрать, что говорится в одинаковом смысле, а что — в разном. Ведь кто способен это разбирать, близок, пожалуй, к усмотрению истины» [3; 548]) позволяют связывать этот закон с именем Аристотеля и даже ставить этот закон на первое место в ряду других законов логики. Краткая формулировка его такова: «В правильном рассуждении повторяющаяся мысль тождественна самой себе» [4; 17].

В дальнейшем список этих законов будет уточняться. Четвертый, вошедший в учебники логики, связан с именем Г. Лейбница и наиболее кратко сформулирован им так: «Ничего не бывает без основания» [5; 141].

Четыре закона логики — это основа тех законов мышления, которые позволяют человеку быть самим собой. В основательности нуждается человеческое мышление. Основательность же закономерно связывается с логикой человеческой мысли. Логика дает справедливую надежду, что истинность утвержденной мысли, будучи установленной, не будет потеряна в рассуждении. Знающего и соблюдающего правила логики в рассуждении можно уподобить строителю, который, стремясь к основательности, построил свой дом на камне, а незнающего и несоблюдающего можно уподобить строителю воздушных и песчаных замков. С библейских времен нуждается в этой каменной основательности человеческое мышление.

Именно стремление к подобной основательности продиктовало Б. Спинозе геометрический порядок его «Этики». Именно стремление к подобной основательности заставило Г. Лейбница создавать науку, которая в разных статьях называется то «философское исчисление», то «универсальное исчисление», то «логическое исчисление». В конечном счете это приведет к созданию арифметических машин, о которых уже Б. Паскаль писал, что их действия «больше похожи на действия мыслящего существа» [1; 92], к созданию математической логики в различных своих видах, к созданию компьютеров, к постановке проблемы искусственного интеллекта, к проектированию и реализации нейронных сетей и многому другому.

Однако вместе с тем эта основательность оборачивается своей противоположностью. Возможность посчитать оборачивается возможностью не думать. В настоящее время способностью сделать более быстрый и точный логический вывод обладает логическая подсистема кремниевых процессоров, мыслящий камень превосходит в логических исчислениях мыслящий тростник, и человек как мыслящий тростник с известной легкостью перекладывает работу, связанную с логическими вычислениями, на продукцию своего ума и своих рук.

Разъясняя проблему совпадения таких противоположностей в жизни человека, как свобода и необходимость, Спиноза в письме Г. Шуллеру пишет знаменитые строки: «Представьте себе, пожалуйста, что камень, продолжая свое движение, мыслит и сознает, что он изо всех сил стремится не прекращать этого движения. Этот камень, так как он сознает только свое собственное стремление (*conatus*) и так как он отнюдь не индифферентен, будет думать, что он в высшей степени свободен и продолжает движение ни по какой иной причине, кроме той, что он этого желает. Такова же та человеческая свобода, обладанием которой все хвалятся и которая состоит только в том, что люди сознают свое желание, но не знают причин, коими они детерминируются» [6; 512-513]. В настоящее время эти строки заставляют задуматься не только о свободе и необходимости в человеческой жизни, но и о причине желания, о различии мышления как логического исчисления и мышления как сознательной деятельности, о том, что Ф.И. Гиренок назовет различием между разумным и мыслящим [7; 7].

Л. Шестов, вспоминая эти слова Спинозы, писал: «Большинство людей только похожи на людей, на самом же деле — это не люди, а одаренные сознанием камни. И то, что мы обычно называем «законами мышления», — суть законы мышления одаренных сознанием камней. И еще: по-видимому, каждый из нас много раз в течение своей короткой жизни превращается в одаренный сознанием камень» [8; 57].

Все это требует заново поставить вопрос о мышлении. Мышление отличает человека от животных, но не мышление ли отличает человека от машины? Каковы законы мышления, которые делают человека человеком?

Вспомним описание поведения и мыслей князя Андрея Болконского на Бородинском поле перед смертельным ранением.

«— Ложись! — крикнул голос адъютанта, прилегшего к земле. Князь Андрей стоял в нерешительности. Граната, как волчок, дымясь, вертелась между ним и лежащим адъютантом, на краю пашни и луга, подле куста полыни.

«Неужели это смерть? — думал князь Андрей, совершенно новым, завистливым взглядом глядя на траву, на полынь и на струйку дыма, вьющуюся от вертящегося черного мячика. — Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух...» — Он думал это и вместе с тем помнил о том, что на него смотрят.

— Стыдно, господин офицер! — сказал он адъютанту» [9; 262].

Перед нами образец противоречивости и нелогичности человеческого мышления: «Я не хочу умирать — Я не буду прятаться от смерти»; «Я люблю жизнь — Мне стыдно остаться живым».

Пример нарочито заостренного противоречия мысли дает Ф. М. Достоевский в письме Н. Д. Фонвизиной: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [10; 96].

Уже замечено, что «человек — не компьютер, он мыслит как существо страстное, имеющее интересы, способное впадать в крайности, в субъективизм, испытывать влияние подсознания и т. д.» [4; 74] Однако речь идет не о смешении в человеческом сознании сферы разума и сферы глупости, речь идет о природе человеческого разума.

Возможно думать о долге, ценностях и создавать деонтическую, аксиологическую и другие виды модальных логик. Поиск же последних оснований, как того требует логический закон, сформулированный Г. Лейбницем, приводит к вопросу, который невозможен в рамках логики, к вопросу, который имеет метафизическую глубину: «Предположим, мышление должно быть истинным, но разве истина должна быть мыслима?» Конечно, логика имеет под собой основание, но это основание находится уже за пределами логики. Когда Ф.М. Достоевский формулирует свое противоречие, то это не логическое противоречие, а противоречие оснований: да, логика имеет свое основание и система доказательств должна быть логически основательной, но жизнь отдельного человека тоже имеет свое основание и к логике, о которой идет речь в учебниках, основание это не имеет никакого отношения.

Логика как наука вынуждена формулировать общезначимые суждения, законы всякой логики общезначимы. Жизнь же отдельного человека значима в первую очередь для него самого, и что она будет значить, общими фразами не выразить. Необязательность и необщезначимость — это такие же признаки человеческого мышления, как и их противоположности. Логика как наука имеет дело с последними. Поэтому помогает указать необходимую и общезначимую истину и такую же необходимую и общезначимую ложь: если посылки истинны и законы логики соблюдены, суждения построены верно, истина следует с необходимостью; если посылки истинны, но законы логики не соблюдены, суждения построены неверно, ложь последует с той же необходимостью.

Но ведь не на все вопросы можно дать общезначимый ответ. «Ты меня любишь?», «Будем дружить?» — на подобные вопросы в самой конкретной ситуации никакая логика ответить не поможет. После работ Дж. Остина подобные вопросы можно отнести к разряду перформативных высказываний. После работ Дж. Серла и Д. Вандервекена можно писать об иллокутивной логике. Однако никакая логика в подобных вопросах и ответах не позволяет снять ответственности с говорящего, нельзя прикрыться логикой и утверждать, что это не я так говорю, а такова логика самого вопроса и ответа, такова форма перформативного диалога. Логика может быть и такова, но ответственность за сказанное нести человеку самому, и сказанное будет обусловлено не только формой, но и содержанием. Человеческое мышление ответственно и формально, и по существу.

Особенностью человеческого мышления, отличающей его от мыслящего камня, является способность связывать форму мысли и содержание мысли в одно целое. Связь эта находится за пределами логики, но вместе с тем способность к установлению этой связи — это сущностная характеристика человеческого мышления. Связь между означаемым и означающим произвольна, поэтому и возможен «Апофеоз беспочвенности» Л. Шестова, поэтому и возможна связь между абсолютной мифологией и диалектикой А. Лосева, поэтому возможен сам процесс наречения именем, процесс осмысления. Машина может соблюдать форму, человек же способен эту форму осмыслить. Способность к осмыслению делает мышление человеческим. За эту свою способность человек и несет ответственность. Абсурд человеческой жизни, бессмысленность человеческой жизни оказывается следствием неспособности выполнить дело мысли. Осмыслить жизнь, внести в нее разум никакая машина не в состоянии, делать это придется человеку. Как бы ни мечтал мыслящий тростник переложить свое

дело на камень, но есть то, что приходится делать самому, одно из таких дел я называю мышлением.

Итак, мышление присуще человеку. Мышление обладает формой, и возможно формальное описание правил оперирования этими формами для сохранения истинного значения. Операции с этими формами в соответствии с формальными правилами может производить не только человек, но и машина. Мышление человека отличается от машинного в том числе и тем, что оно содержательно, человек наделяет мыслительную форму значением. Прежде чем сохранить истинностное значение в рассуждении, его еще нужно получить в исходных посылках. Осмысление исходных оснований, придание значения исходным посылкам есть еще одна сторона, присущая человеческому мышлению. Человеческое мышление не только делает вывод из истинных посылок, оно также ищет сами истинные посылки, осмысляя жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паскаль Б. Мысли. СПб., 2004. 336 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 1. М., 1976. 550 с.
3. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 2. М., 1978. 687 с.
4. Селиванов Ф.А. Логика. Тюмень, 2010. 164 с.
5. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. Т. 3. М., 1984. 734 с.
6. Спиноза Б. Сочинения в 2 тт. Т. 2. СПб., 1999. 629 с.
7. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2010. 240 с.
8. Шестов Л.И. Афины и Иерусалим. М., 2007. 416 с.
9. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. Т. 6. М., 1980. 447 с.
10. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. 862 с.